

# Денис Прохор

A black and white portrait of Empress Elizabeth I of Russia. She is shown from the chest up, wearing an ornate, off-the-shoulder gown with a ruffled collar and a large, decorative brooch at the waist. Her hair is styled in a high, elaborate bun. The background is dark and textured.

## ТАЙНА ИМПЕРАТРИЦЫ

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# Денис Викторович Прохор

## Тайна императрицы

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=39445149](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39445149)*

*SelfPub; 2021*

### **Аннотация**

Литературный сценарий авантюрной комедии времён Анны Иоановны. В Москве при странных обстоятельствах погибает посланник Австрийской империи князь Мизерикордио. Австрийский кесарь взбешён и требует наказать убийцу. Содержит нецензурную брань.

# Денис Прохор

## Тайна императрицы

### **Краткое содержание.**

В Москве при странных обстоятельствах погибает посланник австрийской империи князь Мизерикордио. Австрийский кесарь взбешён и требует выдать убийцу князя. Вице-канцлер Остерман вынужден выпустить из тюрьмы известного авантюриста Андрея Шлёцера в надежде, что он разыщет неуловимого преступника в красном плаще. Шлёцер прибывает в Москву. В ходе расследования, попадая в забавные ситуации и встречаясь с забавными людьми, ему удаётся подобраться к страшной тайне, которую скрывают многие годы. Тайне российского императорского дома.

### **Действующие лица.**

**Андрей Шлёцер – авантюрист. Дитя своего века и пасынок следующих столетий.**

**Остерман – животное политическое, вице-канцлер.**

**Волынской – кабинет-министр потому что лапоть или лапоть потому что кабинет-министр.**

**Бабицкий – граф. Прозрачный, как слеза патриота на концерте группы «Любе».**

**Кулебякин – тайный советник. Пыльный экспонат музея МВД РФ.**

**Дровосеков – полковник. Отец – солдатам, врагу – мать-перемать.**

**Цибульский – купец. Польский чемодан с двойным дном.**

**Мария – его жена. Узница своего прошлого.**

**Дорох – злой гений Марии.**

**Гвендолин – француз. В России это немало, но и немного.**

**Бирон – герцог. Вроде бы.**

**Животинский – король воровской Москвы. Жертва психоанализа.**

**Баргузин – душегуб и бибиситер.**

**Пистон – некультурный бандит. В магазинах и публичных домах расплачивается полновесными булыжниками.**

**Бранзулетка – полицейский. Не Кулебякин, только учится.**

**Боцман – непокорённый, некоренной москвич.**

**Анна Иоановна – императрица без комплексов. Со всем.**

**Секретарский – заревой русский пиит. Почитатель громоздкого, как бабушкин комод, Третьяковского.**

**Губернатор – типичный и кирпичный московский начальник.**

**Князь Мизерикордио – австрийский посланник. Сразу убит.**

**А также:** слуги, солдаты, жители Москвы и Петербурга, трио «Коврига», питон Гризельда, кенар Пьетро и впервые на экране тигр Валокардин.

**Первый текст ( слова на тёмном фоне и голос за кадром)**

После смерти Петра Первого и скоротечных правлений его жены и внука на российский престол взошла Анна Иоановна, герцогиня Курляндская, племянница великого императора. Эта история случилась во времена ее царствования.

**Москва 1739 год.**

**То, о чем никогда не расскажет Пьетро.**

Старый жуир и повеса князь Мезирикордио принимал в своем особняке в Ленивом переулке высокую и статную даму с внешностью знатной итальянки. Князь суетился. Князь порхал. Пел и как пел, ежесекундно прикладываясь к нежной ручке.

– Лаура! Дерзкая Лаура! Что роза перед свежестью твоих ланит. Я был бы счастлив, умереть за них, не то, что прикоснуться.

Дама смущенно прикрывалась веером.

– Ах, князь. К чему такой ажитасьон?

– Слова твои подобны утренней росе. Сладки, как мед.

Отведав их, готов я распрощаться с жизнью.

– Князь вы обещали покорить меня своей коллекцией.

За всем этим мудрый Пьетро наблюдал равнодушно. Он был обычным кенаром, но в жизни кое-что понимал. Из своей золоченой клетки в гостиной князя он тысячу раз видел такие ситуации. Если бы Пьетро мог зевать, он бы зевнул обязательно. Вот князь подводит даму к стене между высокими окнами. Театрально сдергивает бархатную накидку, и в тяжелой раме за чугунной решеткой на атласной подкладке мерцает таинственным светом знаменитая коллекция князя. Древние украшения скифов, гордых римлян и таинственных кровожадных племен из дельты Ориноко.

– Божественно – восклицает дама.

– Они лишь пепел перед вами. – качает Пьетро клювом в такт давно выученным словам. Он уже совсем вознамерился прикрыть белесой пленкой выпуклые глаза и вздремнуть часок, как широкая и жесткая юбка дамы качнулась. К удивлению Пьетро из-под юбки выбрался карлик с абсолютно мерзким и отталкивающим лицом. Карлик бесшумно, оставаясь незамеченным для князя, перебежал гостиную и спрятался под стол, на котором стояла клетка Пьетро. В следующий раз это гнусное лицо Пьетро увидел глубокой ночью. Совсем близко. Их разделяли только прутья клетки. Испуганно Пьетро заметался по клетке. Громко зашуршал крыльями в черной и тихой комнате. Карлик приложил крохотный пальчик к губам.

– Тсс, падла. Жульен исделаю.

В высокое окно несколько раз стукнули. Карлик растворился в темноте. Когда Пьетро снова открыл глаза, в комнате было светло от зажженных свечей. Сновали туда-сюда люди в грязной и рваной одежде. Они выносили вещи, живьем сдирали со стен картины, взламывали решетку, которая защищала коллекцию князя. Сам князь жалкий и несчастный стоял на коленях, перед человеком в длинном до пят красном плаще с капюшоном. Князь заламывал руки и рыдал.

– Не губите. Богом клянусь, уеду. Никто не узнает. О, Лаура.

– Пистон! – мгновенно Пьетро узнал этот голос, а когда человек в плаще повернулся, все сомнения оставили его. Эта была та самая дама, которая днем была у князя. Дама подошла к столу, и последнее, что увидел Пьетро, прежде чем она набросила на клетку покрывало, был хозяин. Он хватался за грязные ботфорты мерзкого карлика, в руке которого сверкнул кинжал. Раздался жуткий крик и Пьетро лишился чувств. Потом был провал, потом сквозь легкую дымку он почувствовал, что его кто-то трогает.

– Экие зверюги! Божью тварь не пожалели. Совсем Москва оскотинилась. Э. Да она живая! Гляди Бранзулетка!

Пьетро затрещал своими слабыми крылышками. Он бился грудью о прутья клетки. Громко кричал. Но глупые люди его не слышали. В разгромленной гостиной, где дневной свет из высоких окон нарисовал столбы на кедровом полу, лежал растерзанный князь.

– Поэт, неразумная. – с восхищением произнес Петр Тимофеевич Кулебякин. Тайный советник ея императорского величества Тайной канцелярии. – Может с собой забрать. Говорят, они от ипохондрии первейшее средство. Лучше белладонны. Так говоришь в красном плаще? – он обратился к взлохмаченному и испуганному камердинеру. Его крепко держал за шиворот дюжий парень в сером и плотном кафтане московского обывателя. Это был Бранзулетка.

– Точно так, ваша милость. Как будто кровь с него ручьями.

– Ты же говоришь, в подполе сидел. Как видел? – прогудел Бранзулетка.

– Видел, видел, они, как давай везде шастать, так меня и нашли.

– Ну? – надвинулся на него Петр Тимофеевич.

Камердинер заторопился еще больше:

– Думал все. Думал, предстал Ермоша перед царицей небесной. А он подходит и говорит: «Не бойся, говорит, жить будешь, если, как все обскажу, сделаешь».

– Ну?

– Скажешь всем, что Ванька-каин это сделал. И со всеми так будет, кто против меня станет.

– Ванька-каин, говоришь?

– Точно так, точно так. Я все в толк взять не могу, чего это баба себя мужиком называет.

– Какая баба? – спросил Петр Тимофеевич.

– Как же. – камердинер даже попробовал выжать из себя улыбку. – Так это ж самая баба в плаще была.

– Ты что мелешь, сучья порода.

Кулаком стер Петр Тимофеевич с лица камердинера готовую расцвести ухмылку.

– На Мясницкую его, Бранзулетка. Дыба разум ему враз подлечит. – приказал Кулебякин своему помощнику.

– За что дыбой стращаешь? – заверещал камердинер – Я ведь как перед царицей небесной... – успел прокричать он и затих. Бранзулетка поволок беспомощный куль из гостиной. Петр Тимофеевич подошел к столу и тронул клетку:

– Эх, птаха. Тяжко в себе все носить. За что ж тебя господь бессловесной сделал.. Не могу вразуметь.

В раскрытые окна внезапно ворвался ветер. Он заставил Кулебякина закрыть рукой лицо и понёсся дальше. Пролетел над Москвой и быстрее чем «Красная Стрела» осилил неблизкую дорогу до Петербурга.

### **Совет у императрицы.**

Набравший сил ветер влетел в панораму юной столицы, с едва намеченными проспектами, с белоснежными парусниками на рейде Невы, с редкими каменными домами нерусской красоты и изящности. Постоянный сильный ветер заставлял гнуться к земле деревья и дома, которые вырывал с корнем, заставлял жителей Петербурга ходить с шеями повернутыми набок. Такой ветер ворвался в Зимний дворец,

с пушечными выстрелами открывались двери, не выдерживающие напора. Ветер прорвался в малую комнату перед залой торжественных приемов и наткнулся здесь на непреодолимое препятствие. Он столкнулся с огромной, монстроподобной женщиной, с бородавкой у носа, в бежевом атласном платье, с орденской лентой через плечо и маленькой кокетливой короной, венчающую огромную и пышную прическу. Ветер не смог преодолеть это препятствие, он выдохся, сделал последнее усилие. Наклонил к полу фрейлин, играл в боулинг шутами лилипутами, гнул канделябры и остальную мебель, но это была его последняя попытка. Отчаявшись, он затих, и вернул предметы и людей к их прежнему вертикальному существованию. Стихия природы смирилась перед величием империи, созданной руками и мыслью людей. Эта громадная женщина, ее можно оценить со всех сторон, являлась живым воплощением могучей державы, широко раскинувшейся на евразийских просторах. Эта женщина – Анна Иоановна, императрица всероссийская. Она, словно, не заметила ветра и разрушений, которые он произвел. Медленно и грозно поднялась могучая рука. Мгновенно затихла вся многочисленная свита. Одного мановения царственной длани хватит, чтобы навеки изменить судьбу любого. Внимательно Анна Иоановна разглядывала свои длинные и острые ногти. Их покрывали лаком, поочередно сменяясь, пять цирюльников. Облегченно вздохнула, от ее вдоха сорвало парики у ближайших фрейлин и герцога Бирона. У

наученного опыта герцога под этим париком оказался еще один парик. Зазвучала грозная музыка. Анна Иоановна направилась в тронную залу. На цыпочках за ней кралась вся остальная свита. Императрица остановилась. Свита приняла равнодушные позы.. Взойдя на возвышение, Анна Иоановна повернулась и усела на огромный трон. Музыка смолкла. Герцог замер рядом. Императрица обратилась к присутствующим, не считая свиты, их было всего двое. Это кабинет министр Артемий Волынской и вице-канцлер империи Петр Остерман. Бирон – невесомый и порхающий, образец галантности на тоненьких ножках. Говорил с наилегчайшим, паутинным немецким акцентом.

– В Москве беспокойно, господа. Государыня гневаться изволит.

Грозная музыка. Анна Иоановна поднялась. Рослые гвардейцы поволокли к ней упирающегося и визжащего шута. Гвардейцы бросили несчастного к ногам императрицы. Все присутствующие с омерзением отвернулись. Слышались хруст и чавканье. Анна Иоановна сделала из несчастного шута ком и хорошенько прицелилась. Бедный шут попал в гигантскую вазу, прямоком в кучу из своих же товарищей по несчастью. Анна Иоановна села. Бирон продолжил.

– 5 –го дня в Москве убит австрийский посланник. Князь Мизерикордио убит разбойниками. – срывается на фальцет Бирон.

Зазвучала грозная музыка. Все вздрогнули. Анна Иоанов-

на поднялась, поправила платье и вновь села.

Бирон продолжил.

Репутасьон российский низок как никогда. Рубль падает, а доллара еще лет 50 не будет. Биржи лихорадит, и государыня второй день не призывала меня почесать ей пятки на ночь. Дело крайне серьезное, господа. Посланник наш из Вены пишет. Цесарь австрийский совсем к вашему величеству переменился. Раньше при имени вашем драгоценном, только рожи всякие похабные показывал и фиги крутил, а теперь кроме как Афанасием и не кличет. Я ему говорю. Побойся бога, кесарь. Нешто ж можно, благословенную императрицу нашу, Афанасием каким-то величать. А он не унимается. Афанасий то, Афанасий это. Чувствую быть драчке великой... Слышите, господа? Афанасий то, Афанасий это... Это война, господа. – патетически закончил Бирон.

Волынской широкий и привольный мужик, загремел сразу грозно.

– Ваше величество! Матка! Одно твое слово! Трубы начищены. Полки полгода жалованье не получали. Звери. Мы не то, что кесаря...мы...мы пить бросим! Европа содрогнется, когда увидит русский трезвый штык. Пену, Дерлин, Жариж и Гондон к ногам твоим положим.

– А что по этому поводу думает вице-канцлер Петр Иванович Остерман? – спросил Бирон.

Петр Иванович из своего деревянного кресла на колесах и Бабицким за спинкой отозвался не сразу. Пожевал гу-

бы, посвистел. Потомил и после сказал с неистребимым своим онемеченным говором.

– Вице-канцлер думает... Простите... Пока наш доблестный кабинет-министр будет брать своими трезвыми штыками Пену и Дерлин. Нам нужно основательно подумать о том, что скажут Вена, Берлин и Лондон. Реал политик, наука серьезная и искание своей выгоды предполагает. Сим заключаю. Война сейчас России выгодна также как красавице другая красавица рядом. Посему предлагаю. Запрягать быстро, а ехать медленно. Мы должны арестовать убийцу князя и предьявить его кесарю с нашими извинениями и подарками. При последней встрече с нашей великой матушкой-государыней, он, помнится, положил свой глаз, на золотой чайник со свистулькой. Пока предлагаю ограничиться свистулькой. – сказав это, Петр Иванович положил под язык очередную таблеточку и скромно прикрыл глазки.

Волынской сдаваться не думал:

– Вот, вот она, немчура проклятая. Своих прикрывает. Деды наши, прадеды по крохам собирали, а мы так просто отдать? Тошно, тошно моей душеньке. Русский ведь, а в России как в гостях. Ничего сами решить не можем.

– Вы решите... – язвительно, но тихо, как бы невзначай, заметил Остерман. – Там, где свистулька красная цена, вы десять тысяч положите. И не денег.

– Ты, гнида заморская. – вызверился Волынской и пошел грозный и могучий прямо на сухонького и немощного Остер-

мана. – Кукленьш плешивый, вестарбайтер. Забыл, обмылок, кто тебя кормит, кто одевает.

Невозмутимый Остерман продолжал наслаждаться гоголем-моголем, сбитым в хрустальном стакане. Волинской бушевал совсем близко, но к Остерману не прикасался. Вербально убивал. Бирон попытался утихомирить разбушевавшегося министра.

– Кабинет-министр. Вспомните о присутствии государыни.

– Она русская, она поймет печаль и тревогу нашу.– Волинской сильно ударил себя в грудь и закатил глаза. – Что же это делается. Остерман к царю Петру нищим бродягой приплелся, а теперь посмотри на него. Отожрался так – Волинской посмотрел на худенького и насквозь больного Остермана и понял, что не в ту степь его занесло, надо выворачивать.

– Так отожрался, что сейчас сдохнет. Куда не кинь всюду они! Народ совращают, грабят. Мы им хлеб, мы им масло. Они нам картинки богопротивные. Мы им золото и купцов, они нам этих же купцов изжеванных, но без золота. Грабят, грабят народ.

Бирон возмущенно взмахнул руками.

– Вас послушать.... Прямо с ножом к горлу лезут.

– Нет, нет. – с неожиданной грустью сказал Волинской. – В этом то и дело. В этом вся штука. – неожиданно кабинет министр былинно загрустил.

– ... Делайте, как хотите.

Остерман докушал свой гоголь-моголь, облизал серебряную ложечку и сказал спокойно.

– Имею на примете человека. Он справится с заданием. В этом не может быть сомнений.

### **Шлецер в камере.**

В Петропавловской крепости этот каземат стоял отдельно от всех. Поросшее кустарником и пожухлой травой здание не привлекало внимание. Оно почти совсем срослось с окружающей местностью и издали напоминало бугорок или холмик. Именно к этому бугорку или холмику направлялся граф Генрих Бабицкий, помощник вице-канцлера. Его сопровождал хмурый и квадратный гвардейский полковник.

– Вы этого арестанта видели? – Бабицкий шагал широко, полковник едва поспевал за ним.

– Лично нет. Не имею права. Он у нас забытый.

– Это как?

– Такие, как он, без края сидят, на полном пансионе. Будто их и нет вовсе.

– Этот должен быть. Учтите, полковник, дело государственной важности. Если с ним что-то случилось, вас тоже могут вот так. Забыть.

– Скорей бы, ваша милость. – неожиданно с грустью вздохнул полковник. Он застучал в круглую дверь с решеткой.

– Ухватов, Ухватов. Выползай, давай, упырь вологодский. Дверца люка отпала. Наружу, к немалому удивлению Ба-

бицкого, вырвалась стая белоснежных голубей. Вслед за ними во все стороны посыпались крылатые херувимы с маленькими арфами.

– Кыш, кыш проклятые. Пригрелись тут.– на краю темно-го туннеля появилась косматая рожа. Сержант Ухватов метлой поддел упирающегося херувимчика и выбросил его на улицу.

– Делами занимайся... А вы кто такие? – спросил сержант.

– Секретарь вице-канцлера с предписанием. – сказал Бабицкий и показал бумагу.

– Прошу, господин секретарь. Ножки, всепокорнейшее, вытирайте, господин полковник.

Они оказались в туннеле, обитом белой шелковой тканью и освещенном факелами тонкой ажурной работы.

– Ничего себе. – присвистнул от удивления полковник.– Да у тебя здесь палаты царские, Ухватов. Не ожидал.

– Особый арестант и кондиции особые, господин полковник. А-а-а вот ты, где!

Ухватов вытащил спрятавшегося за факелом херувимчика, поднес его к выходу и выбросил вон.

– Летят отовсюду, мухи. С адмиралтейства, с рынка, из университета и все здесь прячутся. Будто медом им здесь намазано, под землей.

– Что же гоняешь? Разве не жалко? – спросил Бабицкий.

– Жалко, ваше благородие, господин секретарь. Глаза у них такие, коровьи, беспомощные. Страсть как жалко. А ну

как вспомню, что не по сердцу, а по службе, то ничего. Легче становится. – Ухватов погрозил метлой. – У басурмане.

Ухватов отпер тяжелую дверь и, поднатужившись, потянул на себя дверь. Камера заключенного резко контрастировала с туннелем, вотчиной Ухватава. Сочащиеся влагой стены и скупой свет от одинокой желтой свечи. Бабицкий горделиво выступил вперед.

– Андрей Шлецер, государственный преступ ... – и осекся Бабицкий. Это было чудовищно нелепо то, что он увидел. Кандалы присутствовали, как и положено, на руках и ногах, но головы и туловища не было. Вместо них Бабицкий увидел репу, вологодскую огромную репу с грубо намалеванными глазами и ртом. Репа качалась и протягивала к нему руки, звеня кандалами. И все же Бабицкий закончил начатое.

– Вас призывает вице-канцлер.

### **Вечер сюрпризов.**

Тепло и уютно было в кабинете вице-канцлера. Вдыхала голландская печь с изразцами. За пентраграммным столиком с хрустальным винным графином, фужерами и фруктами сидели два заклятых врага или друга. Остерман и кабинет-министр Воынской. Они приговаривали помаленьку, не спеша, рябиновую настойку.

– Право, не пойму, Петр Иванович, чего это мы с вами на людях собачимся? Вы, человек, в области разума пышный. Втолкуйте же мне, как это вы мудро на днях выразились, тортиле галапагосской, зачем мы это делаем? Всяк во дворце

знает, что мы с вами не разлей друзья в делах денежно-государственных, зачем комедию ломаем?

– Знаете, кабинет-министр, я долго живу в России. Нет, здесь все замечательно. Есть государство и все остальные, которые думают, что тоже есть. Есть целый кабинет-министр, но политики, как борьбы идей, в европейском смысле, нет. Пустота вместо. Интересу много у всех и до всего, а идей нет. Не политика в России – пустыня. Мы с вами должны стать началом источников благоухающих, дабы пустыню эту оживить. Верю, за нами придут другие. Толпа дармоедов нагрянет, не сомневайтесь. А пока мне, как ученику дрезденского колбасника, сам Бог велел, шпиговать умы европейскими ценностями, а вам, коренному борщееду и хреногрызу, аромат родных лаптей в покое беречь.

– Да зачем же? Все же знают, что два сапога пара. Кого дурим, вице-канцлер?

– Тех, кому и жизнь без этого не жизнь, а таких весь мир и Лиговка впридачу.

Сзади на цыпочках к Остерману приблизился слуга и что-то шепнул на ухо. Вице-канцлер вздрогнул.

– Уже здесь? Просите, просите немедленно.

Слуга кивнул и удалился. Волынской поморщился.

– Неужели другого кого подыскать нельзя? Нахлебаемся мы с этим Шлецером по самые папильотки.

– Пора оставить старые счета. Конечно, Шлёцер – это монашка и банан. Гремучая смесь. Но без него нам не обойтись.

Эт-то что такое? – обычная невозмутимость едва не покинула вице-канцлера.

– Арестант доставлен, ваше сиятельство!

С чувством исполненного долга отчеканил Бабицкий. Рядом с ним качнулась пасмурная репа с рисованными глазами и выглянула хитрая косматая рожа Ухватова.

– Я так, понимаю, вы по дороге заглянули на маскарад, Бабицкий?

– Этот костюм – условие заключения опаснейших преступников, Ухватов подтверди.– обратился Бабицкий к сержанту.

– Ухватов? Какой Ухватов? – вице-канцлер посмотрел на пройдошливого сержанта.

– Шлёцер может вы, объясните в чем дело?

Теперь пришел черед удивляться Бабицкому.

– Шлецер? Какой Шлецер?

Поддельному Ухватову ничего не оставалось делать кроме как снять накладной парик и брови, и усы. Перед Бабицким и Остерманом предстал гладковыбритый худощавый человек небольшого роста с волевым носатым лицом. Андрей Шлёцер.

– Признаю, вице-канцлер, ваш глаз до сих пор самый глазючий глаз Империи.

– А вы ничуть не изменились, Шлёцер. Ваши комплименты, как всегда, больше похожи на некрологи. Я начинаю опасаться за свое зрение..

– Вам не о чем тревожиться, вице-канцлер. Вы глазили целую страну, куда мне до вас, простому вселенскому патриарху.

– Да, что он несет этот прощельга? – поспешил напомнить о себе Волынской.

– Вам не знакома эта история, кабинет-министр, – удивился Остерман. – О ней шуршали веера во всех европейских салонах. Уездный Чебурахинск вздрогнул, когда в него по пути из Константинополя в Святую Землю заглянул вселенский патриарх Амфибрахий 4. После себя он оставил разоренное пепелище и дочку городского головы. Беременную, по ее собственным уверениям, от мимо проходящего Святого Духа.

– Неужели этот негодяй посмел надеть святыя одежды? – возмутился Волынской.

– В этом не было нужды. Чебурахинску хватило имени Амфибрахий, произнесенного благочестивым и грозным голосом, чтобы вывернуть карманы наизнанку.

Шлёцер усмехнулся.

– Покончим с этим, вице-канцлер. Прошлое- это бешеная собака. Никогда не знаешь, когда, где и кого она укусит. Самое время отпустить вашего помощника и сей овощ. – Шлёцер погладил репу. – Он – плод моей скуки и плохих манер моего тюремщика. Я назвал этот сорт – ухватовка. Ничего личного, просто красиво. Отпустим их и, наконец, приступим к тому ради чего вы и призвали меня вновь на этот свет.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.